

IN MEMORIUM

К. Х. Монасыпов

**Вспоминая друга...
Памяти А. А. Асадуллина**

К. Н. Монасыпов

Remembering a friend... In memory of A. A. Asadullin

*Нет начала без мужества, нет мужества без истины»
(Г. Витценман)*

С Альбертом Ахатовичем Асадуллиным мы были знакомы с музыкальной школы-десятилетки, где учились в одном классе. Впоследствии много лет работали на одной кафедре в консерватории и играли в квартете. В последний раз я встретился с ним в консерватории за несколько дней до его кончины, которая наступила 11 июля 2020 года. Был тёплый летний день. Хотелось отдохнуть на природе, поскольку на кафедре оставалось только обсудить текущие вопросы учёбы. Но мы, однако, в те дни вспоминали наших близких друзей, ушедших друг за другом, замечательных музыкантов — народных артистов Татарстана Рафаэля Сахабиева и Талгата Ахметова. Мы хорошо знали их. С ними выступали на сцене и в Казани, и в Москве. В то же время они были очень простыми в общении людьми, чудесными рассказчиками, знавшими множество историй из жизни музыкантов. С ними всегда было интересно, и их смерть показалась нам каким-то чудовищным горьким недоразумением, опустошающим душу.

Альберт, обсуждая со мной эти печальные события, в тот день неожиданно пожаловался на своё здоровье. Он сказал, что препараты,

которые он принимает, перестали действовать и даже как будто стали приносить больше вреда, чем пользы. Он также сказал, что ощущает какой-то внутренний дискомфорт, «стало как-то муторно на душе».

Мне захотелось помочь ему, и я пообещал поискать для него более эффективные препараты, но в скором времени узнал страшную весть, что нашего друга и коллеги больше нет. Сразу же нахлынули воспоминания о нашей более чем полувековой дружбе, и я посчитал необходимым поделиться ими, запечатлев некоторые штрихи к портрету А. А. Асадуллина.

Альберт Ахатович родился в 1949 году в музыкальной семье. Два его дяди были виолончелистами. Старший из них — профессор Афзал Насретдинович Хайрутдинов, вошёл в историю как один из первых татарских профессиональных виолончелистов, преподавал в ССМШ и в Казанской консерватории. У него в классе Альберт получил среднее и высшее образование, а аспирантуру закончил в Ленинградской консерватории у выдающихся профессоров Алексея Алексеевича Лазько (класс виолончели) и Владимира Юрьевича Овчарека (класс квартета). В результате Альберт вырос в замечательного музыканта. Он стал преподавателем ССМШ и консерватории, и когда в 1979 году встал вопрос о создании в Казани на базе консерватории профессионального струнного квартета, то лучшей кандидатуры на место виолончелиста трудно было найти.

Альберта Ахатовича в равной степени привлекали и педагогическая, и исполнительская деятельность. Он с большой самоотдачей занимался с учениками, боролся за каждого из них, не позволяя им сойти с избранного пути и неизменно добиваясь успеха. Помнится, как он отправился в город Чебоксары, чтобы убедить родителей, забравших своего мальчика из ССМШ, вернуть его в свой класс. Он сказал родителям, что их мальчика как виолончелиста ждёт замечательное будущее. И Альберт не ошибся. Этим мальчиком был Андрей Каминский, ставший одним из лучших учеников А. Асадуллина. Сегодня он занимает одно из

ведущих мест среди казанских музыкантов.

У Альберта был несомненный педагогический талант, позволивший ему воспитать целую плеяду замечательных музыкантов. Кроме уже упомянутого доцента А. Каминского — народного артиста РТ, это педагог Казанского музыкального колледжа О. Быстрова, артист оркестра Театра оперы и балета им. Мусы Джалиля А. Алкин, артист Государственного симфонического оркестра РТ А. Храмов, артист оркестра “La primavera” С. Приходцев. Все они достойно служат музыке и ведут свою профессиональную деятельность. В нём жило неуёмное стремление помогать другим людям — и детям, и взрослым. Педагог Асадуллин любил проводить классные вечера, открытые уроки, ездить со своими учениками по городам с концертами, был активным и целиком отдавался любимой работе. Но главное, в своих поступках не выпячивал себя и был неизменно учтив. Особенно ярко это проявилось, когда он получил звание профессора и стал заведующим кафедрой. Со всеми людьми, с которыми его сталкивала судьба, он искал не конфликта, а взаимопонимания и дружбы, никогда не допускал хамства, самодовольства, пустословия и умел высоко ценить результаты работы других педагогов, всегда объективно отмечал успехи студентов других классов.

Исполнительская деятельность Альберта Асадуллина главным образом была связана с игрой в струнном квартете, который вначале (с 1979 года) именовался Квартетом Казанской консерватории, а в 1996 году получил статус Государственного струнного квартета Республики Татарстан. Сорок с лишним лет музыкант посвятил этому возвышенному искусству. Сотни концертов сыграны по всей стране, в бывших союзных республиках и за рубежом, включая Германию, Францию, Италию, Чехию, Англию, Турцию, а также далёкие страны: США, Японию, Австралию, Малайзию и другие. Коллективом сделано множество переложений для квартета, записаны десятки часов музыки, в том числе практически всё квартетное творчество композиторов Татарстана. Созданы концертные

программы, начиная от сочинений анонимных авторов XVI–XVII веков и кончая шедеврами русской и мировой классики, а также современной музыки, включая сочинения С. Губайдулиной, А. Шнитке, Э. Денисова, Р. Еникеева.

Игре Альберта в ансамбле была присуща особая устойчивость, надёжность. В Квартете он играл роль своеобразного фундамента, цементирующего и уравнивающего весь состав. В его игре сочетались масштабность и певучесть глубокого виолончельного тона с ясностью и чёткостью штриховой палитры. Он успешно справлялся с техническими трудностями и не жалел времени на самостоятельные занятия. Множество наград и почётных званий, полученных им вместе с коллективом консерватории и Государственным квартетом Татарстана, свидетельствуют о большом вкладе этого музыканта в развитие отечественного ансамблевого искусства. Это такие награды и звания, как лауреат Республиканской молодёжной премии имени М. Джалиля, лауреат Государственной премии имени Г. Тукая, заслуженный артист России, народный артист РТ, заслуженный деятель искусств РТ.

Обозревая долгую, многогранную квартетную жизнь, можно найти в ней немало ситуаций, в которых отмеченные индивидуальные качества Альберта Асадуллина проявили себя с наилучшей стороны.

Особенно запомнились гастроли в Японии в 90-е годы. В первый приезд мы выступали в концертном зале токийского телевидения, где велась трансляция на всю страну, а также в Токийской консерватории и на других сценах. Незабываемым стало выступление в столичном университете, во время которого где-то под нами произошёл подземный толчок (по-видимому, это было небольшое, но ощутимое землетрясение). Слушатели в тревоге приподнялись со своих мест, готовые бежать, но в это мгновение зазвучало соло виолончели, в котором не было ни неуверенности, ни паники, но царило полное, глубокое погружение в образ. Должно быть, это и оказало своё умиротворяющее воздействие — все слушатели, зачарованные

чудесным звучанием, вновь вернулись на свои места. В перерыве между отделениями Альберт, вспоминая необычную ситуацию в зале, спросил меня, что там произошло? Я ответил, что каждый из нас был настолько глубоко погружён в музыку, что запомнил лишь отдельные детали. Но главное, мы не прервали исполнение и пережили землетрясение без последствий.

Наши выступления в Токио не остались незамеченными как у публики, так и прессы, и в следующий наш приезд в Японию, состоявшийся вскоре, мы выступали в огромных залах, заполненных слушателями. Мы играли в легендарном Киои-холле, находящемся рядом с императорским дворцом, где нас буквально завалили цветами, которые пришлось увозить со сцены на большой грузовой тележке. Нам посчастливилось также выступить в самом большом буддийском храме «Нарита» близ Токио. Концерт длился три с половиной часа. Во втором отделении к нам присоединился хор буддийских монахов, исполнивших с нами духовную музыку. На концерте присутствовал настоятель храма 88-летний Канса, высказавший нам своё восхищение. Он пригласил нас на торжественный ужин, где преподнёс нам аудиозапись концерта и только что изданный цветной иллюстрированный журнал с нашими совместными фотографиями. Он пообщался с каждым из нас и долго-долго о чём-то разговаривал с Альбертом.

Были и другие концерты, сблизившие нас с японским слушателем, которому, в частности, понравилась исполняемая нами татарская музыка, весьма близкая местному фольклору и, вместе с тем, выходящая за пределы национальных границ.

Особенно отложился в памяти Концерт в городе Фукусима, позже ставшем печально известным на весь мир в связи катастрофой на атомной станции. В этом городе ежегодно проводился всеяпонский благотворительный музыкальный фестиваль для детей-сирот, чьи родители погибли в автокатастрофах. В огромном зале с великолепной акустикой мы, помимо квартетных произведений, исполняли

пьесы из «Карнавала животных» Сен-Санса в сопровождении двадцати пианистов. Альберт играл знаменитого «Лебедя». В этом исполнении он достиг невероятной чистоты звучания инструмента, казалось, что живые звуки реально парят под сводами зала, выстраиваясь в зримый чудодейственный образ. Он играл чуть отстранённо, сохраняя при этом благородный и трепетный характер музыки. Виолончелист как бы вырисовывал в музыкальном пространстве жест скорби в память о погибших родителях осиротевших детей.

С равным успехом Альберт исполнял и классическую, и современную музыку, а также и татарскую. Он глубоко чувствовал природу инструмента, играл легко, виртуозно и изобретательно, находил свои особые приёмы игры. За это его ценили композиторы. К нему за советом обращались и даже посвящали ему свои сочинения такие мастера, как Р. Еникеев, Б. Трубин, А. Луппов, Ш. Шарифуллин, А. Миргородский и другие. Альберт Асадулин редактировал эти произведения и был нередко их первым исполнителем.

Не могу не сказать, что Альберт был хорошим семьянином, хлебосольным хозяином и верным другом. Даже в годы неурядиц и жизни «по талонам» приглашал к себе в гости друзей. Он очень вкусно готовил. Кухня была его хобби. Всё, что бы он ни делал, было пропитано не только ароматами, но и добротой, и любовью. Мы смогли это в полной мере оценить в период длительной стажировки Квартета в Москве. Однажды, когда Альберт жарил рыбу, один из линий вдруг взлетел со сковородки перед самым носом соседки по газовой плите. Её голос был слышен далеко. После того как она успокоилась, она всё же попросила рецепт «летающих линий».

Семья, в которой рос Альберт, была большой. У него было три сестры, две из них родились позже, одна раньше него. Все они стали профессиональными виолончелистками. Жили в посёлке Савиново на берегу Казанки в деревенском доме, общаясь с природой, чему способствовал «сельский» уклад жизни, помогав-

ший выжить в ту пору. Хорошие отношения сложились между Альбертом и местными ребятами, уважавшими его. Он был единственным на весь посёлок виолончелистом, посещавшим музыкальную школу. К тому же, Альберт был спортивным, подвижным пареньком. Хорошо играл в футбол и лихо бегал на лыжах.

Альберт считал, что в жизни нет ничего ценнее, чем преданная дружба. Он никогда и никому не навязывал свои желания, не сводил ни с кем счёты и всегда прощал обиды. Так, во время одной школьной ссоры на него неожиданно напал старшеклассник, который был вдвое здоровее его, он схватил Альберта за пояс, поднял его и бросил на пол. Единственное, что тогда успел сделать Альберт, — это выставить руки. Врачи констатировали сложный перелом со смещением. Злопыхатели говорили, что теперь таким рукам нужна лопата, а не виолончель. Ему пришлось опровергать это мнение, заново учиться играть, преодолевать боль и физические трудности, которые для других его товарищей не существовали вовсе. Что же касается его обидчика, то Альберт не стал ему мстить, а великодушно простил его. И когда друзья всем классом пришли к нему на день рождения и вспомнили этот эпизод, он лишь молча улыбнулся.

В последнее время в своей работе Альберт всё чаще обращался к вопросу о терпении. Как оно соотносится с другими способностями, почему одним терпения постоянно не хватает, другим же дано в избытке? Ему было важно знать, что об этом говорят выдающиеся умы. Его восхищало мнение Л. Ауэра по этому поводу, который сказал: «Если данное лицо не способно к тяжёлому умственному труду, длительной сосредоточенности, то сложный путь к овладению инструментом, как скрипка, является пустой тратой времени» [1. С. 30]. Такого же мнения придерживался и И. Ямпольский, который отметил, что этим положением «Л. Ауэр предвосхитил тот путь, по которому идёт развитие современной музыкальной педагогики» [1. С. 30].

Альберт заинтересовался также взглядами великого поэта И. В. Гёте, который подробно

изучал это явление, отметив: «При переходе от опыта к суждению, от познания к применению как раз и подстерегают человека, словно в ущелье, все его внутренние враги: воображение, нетерпение, поспешность, самодовольство, косность, формализм мысли, предвзятое мнение, лень, легкомыслие, непостоянство мысли, и как бы вся эта толпа с её свитой не называлась, — все они лежат в засаде...» [3. С. 142]. И хотя у Гёте вопрос терпения не сопряжён с музыкальным исполнительством напрямую, но сами его идеи, связанные с преодолением препятствий, могли бы оказаться весьма продуктивными и для виолончельного искусства, считал Альберт. Он пытался распознавать и преодолевать проблемы, связанные с терпением, которые описаны в современной науке как некий процесс созревания, «как умение действия ждать» [2. С. 67–68].

И Альберту многое удалось «ухватить» в этом плане. Так, он отлично играл «с листа» и прекрасно объяснял суть этого процесса ученикам, проявляя при этом завидное терпение. В художественных произведениях он предупреждал учеников об опасности подражания, при котором можно порой значительно быстрее добиться результата, но нельзя осознать, почему один исполнитель играет так, а другой иначе, как меняются стили исполнения, темпы, фразировка и художественные предпочтения. Он понимал, что внешнее подражание авторитетам ведёт к духовной «нищете» и однообразию, что подлинная интерпретация рождается в глубине души исполнителя. Будучи талантливым педагогом, Альберт стремился к тому, чтобы в учениках сформировалось желание работать не по наитию, не механистично, а исходя из ясных, образных представлений. В подоснове этого педагогического постулата лежала глубокая вера в ученика, в неиссякаемый творческий потенциал человека. Как писал немецкий философ Г. Витценман, «это — уверенность в том, что предназначенные для полёта крылья, окончательно расправятся, когда наш дух преодолеет всякую несвободу» [2. С. 45]. Именно к этому склонялся в своей педагогической деятельно-

сти Альберт. Ему хотелось, чтобы виолончель была для молодого поколения не только профессией, но и смыслом жизни.

Для тех, кто знал Альберта Ахатовича Асадуллина, этот замечательный виолончелист стал одним из удивительных примеров преданного служения музыкальному искусству. Пусть же в нашей памяти сохранится добрый образ музыканта, который глубоко постиг природу инструмента, облагородив её чистотой своих побуждений.

Список литературы

References

1. Ауэр Л. С. Моя школа игры на скрипке. — М.: Музыка, 1965. — 272 с. [Auer L. S. Moia shkola igrы na skripke. — M.: Muzyka, 1965. — 272 s.]
2. Витценман Г. Двенадцать добродетелей. — М.: Энигма, 1996. — 141 с. [Vittsenman G. Dvenadtsat' dobrodetelei. — M.: Enigma, 1996. — 141 s.]
3. Гёте И. В. Избранные сочинения по естествознанию / пер., [послесл.] и коммент. И. И. Канаева; ред. акад. Е. Н. Павловского. — М.: Изд-во Акад. наук СССР. — М., 1957. — 553 с. [Gete I. V. Izbrannye sochineniia po estestvoznaniuu / per., [poslesl.] i komment. I. I. Kanaeva; red. akad. E. N. Pavlovskogo. — M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR. — M., 1957. — 553 s.]